

СОВЕТСКИЙ ВЕК

Моше Левин

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК
СССР

Советский век

Моше Левин

Великолепный век СССР

«Алисторус»

УДК 94(47).084.6
ББК 63.3(2)61

Левин М.

Великолепный век СССР / М. Левин — «Алисторус»,
— (Советский век)

ISBN 978-5-00269-480-8

Сталинский период в истории СССР часто называют «великолепным веком». Он всегда вызывал интерес западных исследователей, в числе которых находился известный американский историк Моше Левин (1921–2010). В соответствии с принятой в советологии манерой изложения Левин стремился прежде всего показать противоречия «великолепного века» в СССР и неоднозначность личности и политики Сталина. Однако огромный объем фактического материала позволяет читателям самим составить представление о крупнейших вехах этой эпохи: создании СССР, выводе страны из отсталости, формировании нового типа общества и т. д. Не случайно, выдающийся российский историк Владлен Логинов назвал Левина «крупнейшим исследователем».

УДК 94(47).084.6
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-00269-480-8

© Левин М.
© Алисторус

Содержание

Введение	6
Сталин и Ленин	8
Создание СССР	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Моше Левин

Великолепный век СССР

© Левин М., правообладатели, 2026
© Новикова В., перевод, 2026
© Копелянская Н., перевод, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

В истории советской системы 1930-е годы занимают особое место.

Во-первых, потому что в это время страна жила в драматическом напряжении, не оправившись от последствий Первой мировой (1914–1918) и Гражданской (1918–1921) войн.

Во-вторых, недолговечный период новой экономической политики (НЭП), сменивший период так называемого военного коммунизма, восстановил только минимальный уровень физической (биологической) и политической стабильности. Этого уровня было явно недостаточно для того, чтобы сбалансировать жизнь внутри страны и ответить на вызовы внешнеэкономической политики, обозначившиеся на горизонте.

Стремительный запуск пятилетних планов (пятилеток), созданных на основе директив XV съезда ВКП(б), положил начало цепи неожиданных важных событий.

В первую очередь таким событием стал сталинский «большой скачок», казавшийся особенно поразительным на фоне глубочайшего экономического кризиса, охватившего США и Европу, но будто бы остановленного у границы СССР.

Следствием этой «новой» политики явился ряд внутренних перемен, по-видимому неожиданных даже для ее разработчиков. Беспрецедентный трудовой порыв народа, решительность элиты и безжалостность вождя, без колебаний запустившего машину государственного принуждения, произвели кардинальные перемены во всех сферах экономики и оказали мощное влияние на характер режима.

По мнению некоторых непосредственных участников и наблюдателей со стороны, любые изменения в советских экономике и быту открывали путь для формирования новой государственной системы, которая (даже на ранней стадии) казалась своеобразным гарантом осуществления высших норм социальной справедливости. Но было и другое мнение. После официального подведения итогов первого пятилетнего плана «новая форма» государственной системы была объявлена модификацией государственного рабства. Напрашивается вопрос: как одна и та же система могла одновременно инициировать взаимоисключающие точки зрения?

Дело в том, что в основе столь разных суждений лежали факты бесспорных быстрых изменений, которые никто не мог отрицать. Гипотетический партийный функционер или государственный чиновник, в силу обстоятельств прошедший за границей годы первой пятилетки, был бы крайне поражен переменами, произошедшими в стране за это короткое время. Вероятно, его удивление было бы много больше удивления «белого русского», вернувшегося на родину в 1920-х гг. и сравнивающего Россию нэповскую с царской Россией. Нововведения, скорее всего, вызвали бы раздражение у эмигранта, однако он бы узнал «матушку Русь». Советский чиновник, напротив, не обнаружил бы следов институтов 1920-х годов. Пресса, нэпманы, магазины, система снабжения, политические дискуссии, богатство культурной жизни – все отошло в прошлое. Рабочее место, темп жизни, лозунги и (при ближайшем рассмотрении) даже сама партия существенно изменились.

Особенно стремительными оказались перемены в политической жизни, а также в поведении властей предрежащих. Стены домов, городские и деревенские площади были наводнены ликами Иосифа Сталина и лозунгами, прославляющими его имя. Вначале Сталина изображали рядом с Владимиром Лениным, затем он все чаще стал появляться в гордом одиночестве, откровенно доминируя над вождем мирового пролетариата. Возможно, в то время смысл новой иконографии не был до конца ясен тем, кто ее создавал и насаждал. Однако складывающаяся государственная система с самого начала именовалась сталинизмом и открыто и безапелляционно управлялась одним-единственным человеком.

Впрочем, специфические особенности единовластия не следует приписывать исключительно «вождю». Они во многом соответствовали его методу управления, и свидетельство

этому – значительные изменения, произошедшие в характере режима сразу после смерти Сталина. Но верно и то, что многие из наиболее важных особенностей остались прежними. Поэтому одна из ключевых проблем понимания истории советского режима состоит в выяснении того, что поменялось и что сохранилось таким, как было. Исследователь оказывается перед вечным вопросом философии истории: как много можно «списать» на счет личности того или иного вождя? Является ли он независимым деятелем, автономным фактором истории? Если да, нам нужна только его биография. Если же он – порождение исторических обстоятельств, традиций страны, их возможностей и ограничений, необходима работа историка.

Вне зависимости от того, имеют ли 1930-е гг. дело с личностными или объективными факторами, для историков их исследование является нелегкой задачей. Мы уже говорили, что для одних людей время оказалось благоприятным, и это мешало им беспристрастно рисовать свое историческое полотно. Для других эти годы стали Голгофой. Множество автобиографий свидетельствует о колебаниях между этими крайностями. Слишком многие отказывались и отказываются верить, что Сталин, являясь преступным организатором режима террора, мог действовать во имя каких-либо интересов своей страны. Большинство русских и иностранных исследователей соглашались лишь в одном: победа СССР во Второй мировой войне стала величайшим событием, спасшим страну и имевшим громадное международное значение. В условиях самодержавия или подобного ему режима такое достижение было бы невозможным.

С другой стороны, свой вклад в навязчивую, но успешную пропаганду образа «великого Сталина» внесло элементарное неведение – плод скрытности сталинского государства.

Академический подход не может игнорировать обе эти «крайности». Но его цель не в том, чтобы колебаться между predetermined воззрениями вроде «не было альтернативы», «Сталин был неизбежен» или противоположными точками зрения, подчеркивавшими насильственные, узурпаторские стороны сталинизма и искусственность его феномена. Задача состоит в том, чтобы сосредоточить усилия на осмыслении кардинального преобразования государственной системы, проанализировать взаимоотношение факторов, способствовавших появлению режима, порвавшего с прежними правилами политической игры эпохи НЭПа.

Сталинизм стал теневой стороной партийной системы, теряющей контроль над собственной политической сущностью. При этом многие жизненно важные государственные функции оставались весьма эффективными. Именно сталинизм стимулировал исследование того, каким образом они сохраняли свою эффективность. Могущество Сталина никогда не было застраховано от воздействия внешних и внутренних факторов – экономического подъема или медленного упадка страны, от окружения вождя и его физического состояния.

Период с конца 1920-х и до конца 1930-х гг. был кратким, но сосредоточил в себе проблемы прошлого и будущего советской системы. Изучение времени апогея сталинизма необходимо. Но это не значит подчиняться распространенному клише, будто бы сталинизм – это все, что следует знать о советской эпохе.

Сталинская система отличается и от НЭПа, и от постсталинского периода, хотя между этими этапами много общего. Их постижение поможет прояснить ключевые проблемы истории современной России. Возможно, это утверждение покажется кому-то невероятным. Но так бывает всегда. В то время, как один режим теряет свою эффективность, в его недрах зревают новые деятели и новые факторы, которые делают возможными все последующие главы истории.

Сталин и Ленин

Сталин умер много лет назад. За это время появилось много замечательных книг о периоде его правления, стали доступными новые источники информации. Однако несмотря на изобилие документального и исследовательского материала, постигнуть и вынести однозначную оценку этому периоду довольно трудно. Суждения и свидетельства из первых рук предлагают разные, порой противоположные портреты и мгновенные снимки.

Некоторые из них рисуют делового, хорошо информированного, мягкого и даже благожелательного вождя. Иными словами – рационально мыслящего государственного деятеля. Другие показывают холодного манипулятора и тактика. Третьи изображают личность, лишенную самоконтроля, не верящую никому и ни во что, раздражительного мстительного монстра, готового пустить в ход кулаки. Или еще хуже: капризного сумасшедшего, уверовавшего, что устроенная им резня – величайшее политическое достижение.

Бездарный актер на огромной сцене или искусный организатор?

Гений, чья одаренность оказалась органически совместимой с непостижимым для нормального человека злодейством, или вульгарная извращенная посредственность?

Калейдоскоп мнений являет поистине сложную картину. К тому же свидетели часто меняют свои оценки, возможно потому, что наблюдают одного и того же человека в самых разных ситуациях.

Для многих Сталин остается лишь патетической фигурой, не заслуживающей шума, который не прекращается вокруг его имени.

Такие диаметрально противоположные свидетельства (некоторые из которых действительно отражают натуру Иосифа Сталина) озадачивают. Но принимая во внимание, что мы имеем дело с человеком, тщательно следившим за каждым своим шагом, можно сделать вывод, что портреты тирана, столь различные на первый взгляд, на самом деле идентичны.

В любой из предложенных трактовок следует установить очевидное: сталинский феномен имел временные границы, обусловленные не просто банальным фактом его рождения и смерти, но и тем, что системное умопомрачение, которое претерпел СССР под его игом, тоже имело свои пределы.

Личность Сталина нельзя рассматривать вне исторического потока, из которого он вышел и которому был всем обязан. Его мучительный, кровавый, драматичный и глубоко индивидуальный путь был компонентой исторического «материнского дома».

Начнем с того, что обычно считается неоспоримым: Сталин был членом большевистской партии, ленинистом, подобно любому другому из числа партийных вождей.

Так ли это, или только кажется очевидным?

Безусловно, Сталин принадлежал к правящему кругу. С 1912 г. он был членом Центрального комитета большевистской партии, а позднее, с 1919-го – членом Политбюро. Во время Гражданской войны Иосиф Сталин неоднократно выполнял специальные поручения Владимира Ленина. Однако уровень его интеллекта и его политическая позиция заметно отличались от уровня главных фигур большевистского движения, политических аналитиков, подолгу живших на Западе и хорошо ориентировавшихся в вопросах западной политики. Более «европейские», образованные, «книжные», они были погружены в теоретические проблемы и интеллектуально значительно превосходили Сталина, не получившего удовлетворительного образования и почти не знакомого с миром за пределами России.

Внутренний мир Сталина был сформирован традициями родного Кавказа и дополнен опытом жизни социального «дна» народной России. А вот влияние на него Социалистического, а затем и Коммунистического Интернационалов можно считать минимальным, если вообще их следует принимать в расчет. Неудивительно, что, вернувшись с Гражданской войны, Ста-

лин и его товарищи придерживались совершенно иной точки зрения на происходящее в России, нежели Владимир Ленин, Лев Троцкий, Лев Каменев и т. д. Принципиальная разница во взглядах касалась концепции социализма и природы нового государственного строя, которому предстояло управлять страной.

Таким образом, внутри направления, именуемого «большевизмом», на самом деле сосуществовали две разные политические и культурные вселенные. После победы над «белыми» разные мировоззрения предстали во всей своей очевидности. Одно имело в перспективе создание государства, защищающего интересы большинства населения; другое ставило во главу угла интересы самого государства – и этот подход разделяло большинство русского народа и, конечно, ветераны Гражданской войны.

На этой стадии диктатура была только одним из наиболее предпочтительных вариантов, казавшихся возможными во время Гражданской войны. Но до его реализации было еще далеко. Диктатура приходит в разных одеждах, маскируясь под другие политические режимы, в том числе и под демократию, которые часто колеблются между авторитарным, либеральным и социал-демократическим вариантами.

* * *

Обе антагонистические модели проявили себя, когда война закончилась и наступило время строительства государства. Обустройство России, определение типа власти, которая будет в состоянии решать поставленные задачи развития и социального преобразования страны, национальные вопросы, вопросы кооперации, крестьянства, партийной структуры – по поводу каждого из этих аспектов существовали разные мнения. В недрах некогда монолитной партии проявились два противоборствующих политических лагеря. Было ясно, что тот, кто победит в этой борьбе, будет вынужден сохранить (хотя бы на некоторое время) старое название партии и ее прежние лозунги. Мы знаем, что так и произошло – и произошло быстро.

Сталин маскировал свои цели, поэтому переиграл остальных партийцев. Когда они осознали, что попали в ловушку, приготовленную ими для своих противников, было поздно. Ленин тоже оказался среди одураченных. Он понял, что произошло, когда оказался бессильным что-либо изменить. Тем более в начале 20-х годов он был серьезно болен и фактически исключен из активной политической жизни страны, что тоже способствовало возвышению Сталина.

Однако, как отмечалось ранее, проблема сталинизма глубже, чем «разгадка» личности Сталина, поскольку он всего лишь воплощал определенное видение политической линии партии на грядущие годы. В течение некоторого времени она обходилась без четких формулировок и не проявлялась в открытых действиях. Две программы были обнародованы лишь в период «последней битвы Ленина» – это событие находит подтверждение в так называемом завещании Ленина.

Позиция Сталина, занявшего в апреле 1922 г. должность Генерального секретаря партии, обозначилась благодаря его плану конституционного образования СССР. Документ, касающийся этого события, содержит материалы, свидетельствующие, что столкновения между Лениным и Сталиным имели место не только по вопросам национальной политики. Причина их разногласий была глубже и существеннее. Они касались комплекса строительства системы в целом: идеологии, взаимодействия партии и государства, экономической политики и, особенно, стратегических основ политики в отношении крестьянства.

Архивные материалы, ставшие доступными после горбачевской перестройки, позволили не только представить глубину разногласий по этим проблемам, но и выявили откровенную враждебность Сталина к Ленину, а также постоянно растущее раздражение Ленина в отношении Сталина. О глубоком личном и идеологическом неприятии, существовавшем между ними,

но до времени остававшимся тайным для всех, кроме немногих близких свидетелей, можно судить или, по меньшей мере, догадываться по ранее неизвестному письму Сталина к Ленину, написанному в 1921 году.

Это письмо не имеет точной даты и касается устройства партийного аппарата. Оно дает редкую возможность понять, как Надежда Крупская, жена Владимира Ильича, и Политбюро оценивали политику Сталина.

Все началось с жалобы Крупской, по воле необходимости оказавшейся в роли главного информатора больного мужа, на то, что Сталин создал в ЦК большой отдел агитации и пропаганды (агитпроп), фактически представлявший собой самостоятельное министерство – «целый комиссариат». Цели и задачи агитпропа полностью совпадали с целями и задачами отдела политического просвещения (в Комиссариате просвещения), возглавляемого Крупской, и этим как бы производили «подкоп» под ее работу. Внимательно прочитав письмо жены, Ленин направил его Сталину со своими комментариями, посоветовав не связывать себя с агитпропом.

Ответ Сталина был ответом кинто – грузинского уличного плута (одно из прозвищ, полученных им в юности). Сталин повел себя как мелкий лукавый интриган, умело использовавший болезнь адресанта, и нагло отрицал даже тот факт, что ряд названных Крупской лиц был приглашен им для работы в агитпропе ЦК. Сталин утверждал, что был «вынужден» создать этот отдел, но в то же время отказывался его распустить. Он пытался убедить Ленина, что, поступая так, делает это в его интересах. В противном случае Троцкий может прийти «к выводу», что агитпроп распускают «только из-за Крупской». Сталин не уступил, прибегнув к ряду дешевых уловок.

Понятно, что вопрос вовсе не сводился к тому, что мог бы по этому поводу сказать Троцкий. Сталин намекал Ленину: ему известно, что вопрос инициирован Крупской. Одновременно он напоминал о фигуре «зловещего Троцкого», именно в это время конфликтовавшего с Лениным по поводу ряда вопросов, и ослабевший после болезни Ленин не был уверен, что сможет обеспечить себе большинство в Политбюро без помощи Сталина.

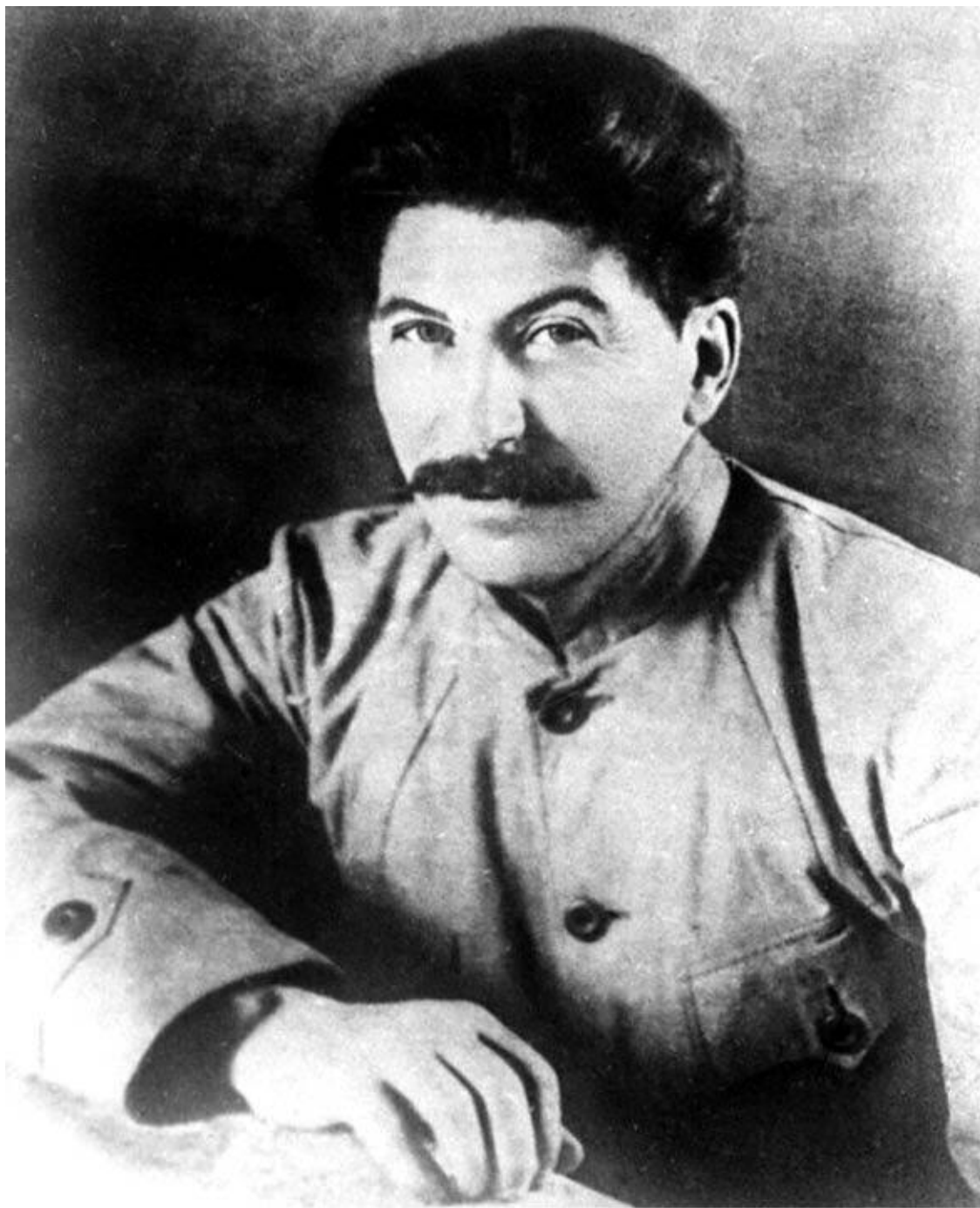
1921 год был свидетелем многих подобных схваток, и ныне это впервые становится известным полно и широко. Сталин разыгрывал карту Троцкого для того, чтобы сдерживать Ленина в период, ознаменовавшийся довольно умозрительной дискуссией о роли профсоюзов между меньшинством Троцкого и большинством Ленина в Политбюро. Троцкий предлагал перейти к системе, напоминающей НЭП, но единственную возможность преодолеть экономическую разруху видел только во временном введении военных методов и мобилизации рабочей силы. Именно по этому вопросу он получил отпор. Владимир Ильич, со своей стороны, все еще не решался провозгласить новую экономическую политику и хотел придать профсоюзам, связанным с рабочим классом, большую независимость.

* * *

Обе фракции (ленинская и троцкистская) маневрировали, стремясь заручиться голосами делегатов открывающегося XI съезда партии. Как свидетельствует Микоян в своей автобиографии «Так было», Ленин лишь изредка принимал участие в заседаниях, на которых вырабатывалась тактика противодействия Троцкому, осуществление же операции, спланированной Григорием Зиновьевым, полностью принадлежало Сталину, считавшему, что натравливать Ленина на Троцкого – наилучший способ манипулировать обоими. Именно эту цель он преследовал и в случае с письмом Крупской. Возможно, что подобные махинации (Сталин завидовал Ленину) и ранее имели место с его стороны, но остались незамеченными, поскольку главной угрозой на тот момент были военные проблемы.

Кроме того, центральной мишенью сталинских интриг периода Гражданской войны был Троцкий. Вообще нехватка уважения, а позднее ненависть Сталина к Ленину (это моя соб-

ственная точка зрения. — М. Л.) подспудно вскормлены жгучей ненавистью к Троцкому, оказавшемуся препятствием на пути к признанию за Сталиным качеств выдающегося военного и государственного деятеля.

Сталин в начале 1920-х годов.

Являясь объектом многочисленных уничижительных (зачастую просто непечатных) эпитетов, которыми забрасывали Троцкого Сталин и его сторонники, Троцкий оставался признаваемым создателем Красной армии, народным комиссаром по военным делам и вождем Октябрьской революции и не имел ничего общего с карикатурой, которую рисовали его враги. Имя Льва Троцкого ассоциировалось прежде всего с именем Ленина, который против этого никогда открыто не возражал, что еще сильнее выводило Сталина из равновесия. Постоянные

интриги и давление на Ленина с целью сместить Троцкого не только с военного, но и с любого иного поста (об этом хорошо известно любому биографу Ленина и Сталина) делают, как мне кажется, подобную интерпретацию сталинской позиции вполне правдоподобной.

Если не принимать во внимание минуты колебаний, такая «осада» Ленина не имела успеха. Ленин всецело полагался на Троцкого и его престиж. Он работал с ним рука об руку – и не только в военной сфере. Кроме того, он поддерживал ежедневный доверительный контакт с Эфроимом Склянским, правой рукой Троцкого по Реввоенсовету и комиссариату обороны, игравшим, без сомнения, роль преданного связного между двумя лидерами. Документы периода Гражданской войны раскрывают принципиальную значимость этой ежедневной работы, однако о самом Эфроиме Склянском известно довольно мало, кроме того, что смерть настигла его во время прогулки на лодке в Америке в 1925 году.

Тесный контакт Ленина с Троцким и его окружением все сильнее разжигали враждебное чувство Сталина к вождю. Но открыто эта вражда проявилась только тогда, когда Ленин был уже при смерти, а Сталин практически полностью овладел командными высотами. Открытая атака на больного Ленина не отвечала расчетливому, осторожному характеру Сталина, но во время болезни (Сталина информировали о подробностях ее протекания) положение изменилось. Центральный комитет возложил на Сталина как на генерального секретаря партии ответственность за лечение Ленина, что и позволило Сталину неотрывно шпионить за больным человеком.

Не исключено, что секретарь Ленина Лидия Фотиева сообщала Сталину обо всем, что Ленин ей диктовал, хотя он и требовал конфиденциальности. Можно представить состояние Сталина, когда он понял: Ленин намерен лишить его занимаемого положения и, возможно, поставить крест на его дальнейшей политической карьере. Если же не Фотиева была первой, кто поставлял Сталину информацию о планах «патрона», Сталин имел возможность узнать о них из письма Ленина XII съезду партии. В этом документе Ленин открыто потребовал снятия Сталина с его поста и объяснил причины своего требования. О письме Ленина стало известно и в Политбюро. Но Ленин был сильно болен, практически недееспособен, поговорить с ним и получить консультацию оказалось невозможным. Долгие годы этот документ тщательно скрывали от широкой публики, и только по указанию Никиты Хрущева через 35 лет с момента написания письмо было опубликовано и вошло в полное собрание сочинений Ленина.

* * *

Так же тщательно скрывались дебаты по поводу национального вопроса, разгоревшиеся в кабинетах и коридорах власти при появлении на свет СССР. И не только потому, что эта информация вскрывала глубину разногласий относительно нового государства и предполагаемой структуры его построения, но и потому, что она вызвала со стороны Ленина чрезвычайно бурную реакцию. Больной, фактически обреченный Ленин с удивительной ясностью сформулировал свои идеи, сумев беспощадно раскритиковать сталинскую позицию и показать опасность его подходов и решений.

Создавая концепцию будущего советского государства, Сталин исходил главным образом из своего послереволюционного опыта, когда он возглавлял Комиссариат по делам национальностей. Этот пост ему доверили благодаря тому, что первая из книг Сталина, опубликованная задолго до событий 1917 г., написанная по просьбе Ленина и при редакторской помощи Бухарина, была посвящена национальному вопросу.

Именно этот теоретический труд, пусть поверхностный и неглубокий, и последующее погружение в практику бесконечно сложных национальных конфликтов и проблем, возможно, убедили Сталина, что разнохарактерные, неуправляемые и воинственно настроенные «наци-

ональные интересы» способны в любой момент расстроить деятельность центрального правительства.

Последнее выступление Ленина по национальному вопросу стало манифестом, содержащим сильный и четкий анализ развития, предстоявшего стране после Гражданской войны. По мнению Ленина, Сталин хотел предложить нерусским национальностям окраинных народов бывшей империи «автономию», при этом подразумевая, что они останутся составной частью России, но откажутся от уже существующих договорных отношений равноправия с РСФСР или Российской Федерацией. Дискуссия по этому поводу, а также по другим предложениям о формах будущего государства была крайне жесткой. И об этом следует рассказать подробнее.

Создание СССР

К концу Гражданской войны у границ бывшей Российской империи сформировались самостоятельные независимые национальные советские республики – Украинская и Белорусская. После советизации Закавказья появились Азербайджанская, Армянская и Грузинская республики. Все они находились в договорных отношениях с Российской Федерацией, имели единое военное командование и единое представительство на международных дипломатических конференциях. Несмотря на аморфность и зыбкость подобной конструкции, она служила сплочению народов страны и усиливала нарастающие центристские тенденции.

При этом мнение Ленина эволюционировало в сторону признания национально-территориальных аспектов автономии при сохранении руководящей роли единой и наднациональной большевистской партии. Мысли Льва Троцкого, Христиана Раковского, Буду Мдивани, Николая Скрыпника, Филиппа Махарадзе, Мирсаида Султан-Галиева и других близких к Ленину людей развивались в том же направлении. Будучи практиками, работая в национальных регионах или разрабатывая единые основы внешнеполитической, экономической, военной и культурной политики, они, как правило независимо друг от друга, приходили к одному выводу – классовая политика в национальных вопросах является ограниченной, если она не учитывает национальные особенности того или иного народа. Все эти люди позже стали жертвами режима.

За исключением Ленина, никто из них не умер естественной смертью. Они оказались в числе тех, кто решительно и безапелляционно воспротивился жесткому унитаризму, сторонником которого являлся Сталин. Его доклад о проблемах федерализма, сделанный на Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., явился страстной защитой вышеозначенной национальной доктрины.

В письме Ленину Сталин писал: «Наша советская форма федерализма устраивает нации Царской России как их путь к интернационализму... Эти национальности никогда не были государствами в прошлом или же давным-давно перестали быть ими. Вот почему советская (централизованная) форма федерации принята ими без особых колебаний». Письмо датировано 12 июня 1920 г. Оно не только не вошло в сталинское собрание сочинений, но и до начала 1980-х гг. никогда не публиковалось.

В период с 1918 по 1920 г. при каждом удобном случае Сталин подчеркивал предпочтительный централизованный характер Советской Федерации, что являлось демонстрацией прямого наследования политике царской России, «единой и неделимой». Сталин постоянно твердил, что «автономия не означает независимости» и не предполагает обязательного «отделения». По его мнению, центральная власть никогда и ни при каких обстоятельствах не должна упускать из рук рычаги власти.

Свою политику нарком (министр) по делам национальностей выводил из мессианской роли России, аргументируя ее великорусской идеей «сверхгосударства» – державы (термин, которым мы будем пользоваться в дальнейшем), являющейся типичной концепцией экспансии, согласно которой присоединение других наций всегда служит делу прогресса. Сталин, оспаривая ленинские выводы и взгляды, делал упор на сверхрусскость своей империалистической политики. Мнение Ленина он именовал не иначе как националистическим уклоном, безусловно вредным для интересов советского государства.

* * *

10 августа 1922 г. Политбюро приняло решение создать комиссию для рассмотрения взаимоотношений Российской Федерации с другими республиками, имевшими статус независимых государств или, как их тогда называли, «договорных республик». Сталин, считавшийся главным экспертом по национальным проблемам еще с дореволюционных времен и ставший незадолго до этого заседания Политбюро генеральным секретарем ЦК РКП (б), заявил о готовности представить свой план уже на следующий день.

Как было отмечено раньше, пятью независимыми советскими государствами, связанными с РФ договорами, являлись Украина, Белоруссия и три закавказские республики – Грузия, Армения и Азербайджан. Сталин предложил им план автономизации, согласно которому им предстояло стать частью Российской Федерации. Статус прочих независимых республик – Бухары, Хорезма, Дальневосточной республики – на тот момент оставался неопределенным. С ними предполагалось заключить договоры относительно условий внешней торговли, таможенных правил, ведения иностранных дел, обороны и прочего.

В этом случае все институты государств, оказывающихся в рамках нового союза, поглощались правительственными институтами Российской Федерации – ЦИКом, Советом Народных Комиссаров, Советом Труда и Оборона. Национальные комиссариаты иностранных дел, внешней торговли, обороны, путей сообщения, финансов и связи тоже должны были стать частью соответствующих комиссариатов России. Комиссариаты юстиции, образования, внутренних дел, сельского хозяйства и государственного контроля оставались под юрисдикцией республик. При таком решении вопроса никого не удивляло, что местная «политическая полиция» сливалась с ГПУ России.

Знакома Политбюро со своими соображениями, Сталин отмечал, что на данный момент они не предназначены для публикации. Предполагалось, что их сначала обсудят республиканские партийные центральные комитеты, а затем формально узаконят советы республик на специальных сессиях исполнительных комитетов или на съездах Советов.

Как всегда прямолинейно, Сталин заявил, что согласно предлагаемому им проекту принцип так называемой независимости республик должен быть устранен, поскольку, по его мнению, является не более чем «пустыми словами», ведь все республики становятся частью единой административной системы централизованного российского государства.

Такая политика вызвала бурю протеста на местах. 15 сентября 1922 г. Центральный комитет Грузии отверг сталинский план автономизации, назвав его «преждевременным». Против решения грузинского ЦК голосовали только Серго Орджоникидзе, Сергей Киров, Миха Кахиани и Леван Гогоберидзе. Все они были людьми Сталина из так называемого Закавказского краевого партийного комитета (Закрайкома) – органа, созданного Москвой для партийно-государственного контроля над тремя закавказскими республиками и ставшего источником бесконечных конфликтов с национальным партийным руководством Грузии.

1 сентября 1922 г. глава грузинских коммунистов Филипп Махарадзе пожаловался Ленину: «Мы живем в обстановке неразберихи и хаоса». Он заметил, что во имя соблюдения пресловутой «партийной дисциплины» Закавказский комитет навязывает свои решения силой, и это подрывает независимость Грузии. «Грузия, – как счел нужным заметить Махарадзе, – не Азербайджан и не Туркестан».

В свою очередь Сталин столь же энергично жаловался на «полнейший хаос» в отношениях центра и периферий с их бесконечными конфликтами и недовольствами. Это видно из письма, адресованного Ленину 22 сентября 1922 г. Сваливая ответственность за происходящее на своих противников, Сталин яростно ополчился на тех «коммунистов», «которые приняли всерьез нашу игру в республики». В результате, подчеркивал он, «единая федеральная

государственная экономика становится фикцией». Альтернативу происходящему Иосиф Виссарионович видел в следующем.

Первый вариант – признание полной независимости договорных республик. В этом случае центр окончательно лишался возможности вмешиваться в их жизнь, предоставляя им управлять железными дорогами, торговать, вести дела с зарубежными государствами. При этом решение любых общих проблем требовало постоянных контактов и взаимодействия между юридически равными республиками, а решения верховных органов Российской Федерации считались необязательными для других.

Второй вариант – договорные республики создадут абсолютно новое межгосударственное объединение, образовав единый экономический союз, при котором другие республики подчинятся высшим инстанциям Российской Федерации. Другими словами, мнимая независимость будет заменена подлинной внутренней автономией республик, но это коснется только области национального языка, культуры, юстиции, внутренних дел и сельского хозяйства.

«Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, то есть если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик», – констатировал Сталин.

В этих строках он представил основные черты проекта автономизации. Однако Сталин не предугадал реакцию Ленина. А Ленин оказался не просто недовольным меморандумом Сталина, а не на шутку встревоженным. В записке Каменеву, датированной 26 сентября 1922 г., Владимир Ильич просил рассмотреть предложения об интеграции республик в Российскую Федерацию. К тому моменту он уже обсудил эту проблему с Григорием Сокольниковым, предполагал встретиться со Сталиным, а на следующий день увидиться с грузинским лидером Буду Мдивани, обвиняемым сторонниками Сталина в уклонизме. «Сталин стремится разрушить слишком многое», – добавлял Ленин, считая, что план Сталина требует серьезных корректировок.

Некоторые из своих предложений Ленин тут же отослал Сталину, который согласился с первой и, пожалуй, наиболее важной из поправок, заменив свою формулировку («присоединение к Российской Федерации») ленинской – «официальное объединение с Российской Федерацией в Союз Социалистических Республик Европы и Азии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.